

**БЕЛОРУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*А.А. ЛЕГЧИЛИН,
И.М. БОБКОВ*

Философия, как известно, — это не просто итог рационалистических усилий, а закономерная экспликация и осмысление насущных внутренних проблем и потенциалов духовной жизни общества. Нельзя механически перенести чужую философию на свою социально-культурную почву. Так же нельзя вдруг создать оригинальное философское учение; для этого необходимы определенные социальные и духовные предпосылки. Возникновение оригинальной философии, которая завоевывает широкое признание, — это показатель высокого уровня развития духовной культуры определенного общества и народа. Основа, почва для возникновения оригинальной философии может быть подготовлена только исследованиями в разных сферах философских знаний, а это — работа в границах наличной методологии и постепенный процесс накопления новых знаний. Поэтому сегодня центральной задачей является внимательное изучение современных философских течений, их теоретико-познавательных возможностей и широкое развертывание на той основе, которая есть сейчас, конкретных философских исследований, направленных на анализ разных сфер нашей жизни, на раскрытие сути современных духовных и социально-политических процессов. Только продвигаясь по этому пути, философия сможет предоставлять свидетельства своей способности занять соответствующее ее назначению место в современной духовной жизни, осуществить выработку действительно продуктивных гуманистических основ и ориентаций жизнедеятельности общества и человека.

Сегодня белорусское философское сообщество стоит перед настоящей необходимостью фундаментальной методологической рефлексии над очевидной, но до сих пор недостаточно изученной содержательной полисемантичностью национальной духовно-интеллектуальной традиции. Такая ее специфика определяется, прежде всего, фактом наличия в отечественной философии как минимум четырех, а может, и пяти «писанных историй»: белорусской, польской, литовской, русской, а в некоторых моментах и украинской. Перечисленные четыре историографические школы, параллельные белорусской, не просто дают разные интерпретации, а создают порой взаимоисключающие версии истории одной и той же традиции. В итоге возникает ситуация интерпретационного конфликта, которая иногда перерастает в войну за наследие. Существуют несколько конструктивных направлений, по которым может пойти методологическая дискуссия. Одно из них связано как с расширением проблемного поля самих объектов исследования (автор, произведение, философская система), так и с включением в рамки историко-философского анализа новых составляющих, таких

как интеллектуальные формации, дискурсивные практики и т.д. Другое направление — расширение дискурсивных и методологических практик работы с традицией мысли. При этом мы видим, что рядом с традиционной «археологией мысли», направленной на историческую локализацию своих объектов, существует широкое поле герменевтических практик, которые базируются на артикуляции смысла традиции.

Но самое основное, без чего невозможно дальнейшее развитие истории философской мысли Беларуси как дисциплины, — это уточнение предмета исследования. Предметом же истории белорусской философии является не просто история национальной философии в контексте мировой, а локальная традиция мысли, поиски преемственности с которой сегодня актуальны не только для самой белорусской культуры, но также для литовской, русской, украинской и польской традиций. Таким образом, национальная история философии — это одновременно и один из модернистских (модерных) проектов, который появляется во второй половине XIX столетия, и та нарративная и дисциплинарная рамка, в которую вкладываются локальные традиции мысли в сегодняшнем многонациональном плюралистичном мире.

Вопрос о состоянии и возможностях современной белорусской философии очень сложен и требует всестороннего учета многообразных духовно-идеологических реалий прошедших десятилетий и тех коренных сдвигов в общественной атмосфере, которые произошли в 90-е гг. прошлого века. Реальный потенциал современного белорусского философского мышления обусловлен актуальным наследием и теми традициями, которые сложились исторически и влияние которых ощущается и сейчас.

История философской мысли Беларуси — это традиция, которая занимает почти тысячу лет и распадается на три больших исторических периода: X—XV вв., XVI — середина XVIII вв., и от второй половины XVIII в. до наших дней.

X—XV вв. — времена раннего и зрелого Средневековья, времена первого прихода философии и формирования особого типа философской культуры. В истории эти времена охватывают кривско-полоцкий период (XIII в.) и далее, эпоху возникновения и возвышения Великого Княжества Литовского. В определенном смысле, это период раннего и зрелого Средневековья, когда под нашей «Античностью» понимают эпоху традиционных балто-славянских племенных образований. Этот период в свою очередь разделяется на две части: X—XIII вв. и XIV—XV вв.

XVI — середина XVIII вв. — позднее Средневековье, или раннее Новое время, т.е. период, который включает эпохи Ренессанса и Реформации, Контрреформации и Барокко и эпоху, которую можно назвать пред-Просвещением. Белорусский XVI в. раскрывается на Запад в эпоху, когда сам Запад обнаруживает свою гетерогенность и когда христианская цивилизация Средневековья входит в полосу глубоких мутаций, смен, интеллектуальных волнений, какие обычно описываются под

рубриками «Возрождение», «Реформация», «начало Нового времени». Белорусский XVI в. весьма разнообразен: мы обнаруживаем параллельно и гуманистов-новолатинников, увлеченных Вергилием и Цицероном, складывающих поэмы, стремясь продолжить античную традицию, забытую в «темные века», и реформаторов, которые обращаются к Библии, заново переводя и истолковывая ее. Перед нами предстают реформационное течение в православии и Контрреформация в католичестве. Мы находим абсолютно независимую, автономную политико-этическую и политико-правовую мысль, которая опирается на античные теории государства в большей степени, чем на христианское мышление. И все это разнообразие еще не институализированное, не застывшее в традиции, в дискурсе, — оно все держится на индивидуальном поиске. В XVI в. в белорусскую культуру приходит философия в виде схоластической традиции, но также и как «живое мышление», ведь при столкновении канонов, взглядов и догм это мышление обнаруживает себя как нечто, что явно выбирает, решает, приводит аргументы.

От середины XVIII до конца XX в. — эпоха Нового времени, или модерна. В это время на руинах схоластики возникает философия эпохи Просвещения, которая уже не является гомогенной, а разделяется на школы и направления. Все, что было создано Просвещением, было опровергнуто могучим взрывом романтизма, который, кроме профессиональных философов, взрастил на наших землях двух европейской значимости мистиков — Адама Мицкевича и Анджея Тавянского. После романтизма наступает время идеологий: народничества и позитивизма. Мышление в это время начинает осваивать новую критическую перспективу. На фоне этой критической перспективы происходит рецепция марксизма и появляется белорусский национально-возрожденческий проект.

Таким образом, реально существующая, национальный духовный — идейно-содержательный и методологический — фундамент складывается из трех наиболее важных течений и элементов. *Во-первых*, это идеи и устремления нашего национального философского и общественного сознания, начиная с Ефросиньи Полоцкой, Кирилла Туровского, деятелей эпохи гуманистического и реформационного движения, Просвещения, национального Возрождения XIX — начала XX вв. до современных попыток обоснования национальной идеи и анализа состояния белорусской культуры и общества. *Во-вторых*, это наследие марксистской философии, в отношении к которой недостаточно ограничиваться односторонними определениями. За период существования СССР она стала неотъемлемой частью всей политической и духовно-идеологической жизни, основой государственной идеологии. С другой стороны, она была достаточно разветвленной и развитой системой специальных дисциплин, степень идеологичности которых довольно существенно варьировалась, что позволяло сохранять (например, в ветви истории философии, логики, философских вопросов естествознания, эстети-

ке) довольно высокую культуру профессионального философского мышления. Современное переосмысление сути и исторических обстоятельств существования этой доктрины, критическо-опытное и всестороннее, относится к ряду актуальных задач философской мысли и является существенным фактором ее становления. *В-третьих*, это восприятие идей и установок западноевропейской философии, в том числе и современной (здесь преобладает интерес к экзистенциализму, а также к структурализму, герменевтике, семантическому анализу). Отдельный вопрос — о влиянии современных глобальных идеологий и возможностях их воздействия на философское мышление. Что же касается критического потенциала современной белорусской философской мысли, то его оценка не может быть исчерпана количественными границами (минимальный, достаточный и т.д.), а должна базироваться на конкретном учете реальных аналитико-критических возможностей.

В этом контексте чрезвычайно актуальными представляются интерпретация и анализ философской и общественно-политической традиции Беларуси через парадигмально-методологическое совмещение дискурсивного анализа текстов с попыткой истолкования цельности самой традиции, которая, несмотря на полилингвизм, мультикультурность, трансграничность и многонациональность белорусской культуры, оставалась целостной в своей национальной специфике.

Принимая во внимание топологию и этническую специфику Беларуси, необходимо отметить сдвоенность истоков ее философской мысли. Это, с одной стороны, византийская культура с ее идеей понимания жизни, а, с другой, — западноевропейская культура с ее идеей понимания мира. Уже в первом приближении национальная белорусская идея поэтому оказывается амбивалентной, «двуликой». В ней очевидно присутствует любовь к величию и силе западноевропейского «*cogito*», но одновременно прочитывается и пылкая любовь к до конца не рационализируемому «*sum*». В истории белорусской философии, у ее истоков объединилось то, что потом стало разобобщенным и оппонировало одно другому, — самоидентификация человека и идентификация вещей.

Результаты философского знания белорусских мыслителей во все времена включались в русло мирового (преимущественно европейского) мышления. А наследование опыта мирового мышления выражалось не только в переносе чужих идей и теорий, не только в перенимании чего-то другого как иного, но и в творческой его переработке, особенно когда философское знание европейского происхождения использовалось для осмысления национальной проблематики. В этом смысле «белорусская философия» росла и развивалась на всех этапах существования «философии в Беларуси» как живое, действенное, динамичное течение мышления, непосредственно соединенное с проблематикой национальной реальности.

И здесь мы каждый раз сталкиваемся с одной и той же исследовательской проблемой. Национальный философ в некотором смысле и

исторически, и культурно считает себя маргиналом и потому постоянно претендует быть не тем, кто он есть на самом деле. Он стремится быть похожим на определенный человеческий архетип (чаще всего европейский: архетип поляка, немца, русского...), осознавая себя как наихудшего из них или, во всяком случае, не равного им. Но, отказываясь от себя, чтобы стать другим, белорусский мыслитель одновременно всегда «держал удар». Именно потому национальное философствование в своей истории многократно выдвигало собственные проекты самоидентификации («Людзьмізвацца», «Жыве Беларусь!», «Тутэйшыя»).

В качестве начального пункта национальных проектов самоидентификации выступала собственная реальность, какой бы она ни была (даже отрицательной). Характерной чертой таких проектов обычно бывает по-гегелевски понятое отрицание как сохранение собственной реальности, истории, прошлого в процессе их преодоления. Идеиные архитекторы подобных проектов опираются на историю, на опыт людей, которые, желали они того или нет, уже создали историю. Эта история не может рассматриваться как чужая или низкопробная. В таких проектах самоидентификации, скажем, европейская культура становится уже полноправным элементом белорусской культуры.

Поэтому, на наш взгляд, важной темой философской рефлексии является тема рецепции определенных философских систем, концепций и мировоззренческих схем (модных в свою пору) в белорусской духовно-интеллектуальной культуре. Здесь оказывается существенным проследить, как Другое (Чужое) включается в тело национальной традиции, какие трансформации с Другим в связи с этим происходят, и как на это реагирует отечественная культура, весь духовный организм «белорусскости». В этом смысле надо и рассматривать историю философии в Беларуси.

В методологическом дискурсе так понимаемой философской традиции в Беларуси мы должны иметь ввиду следующие проблемы.

Язык и традиция

Находясь в цивилизационном разломе, белорусская культурно-историческая традиция фиксирует семь литературных языков: старобелорусский, старославянский, латинский, иврит, польский, русский и белорусский. Причем пять из них были языками региональными, или языками межкультурной коммуникации, и соответственно культурная продукция на этих языках имела также региональный характер и не могла до конца отождествляться с национальной. Кроме этого, существовали многочисленные переходные – креолизованные – языковые версии, что порождало столкновение тех или других региональных языков. Например, в произведениях и переводах Скорины мы видим определенную креолизацию старославянского языка, насыщение его старобелорусским лексическим и синтаксическим материалом.

Метафизика ландшафта

По-видимому, наиболее простой критерий — это критерий территориальный. Все тексты, которые возникли на территории Беларуси, все авторы, которые здесь творили, и складывают традицию. Но возникают определенные проблемы. Во-первых, современная национальная территория с ее границами и Минском как культурной столицей, возникла только в первой трети XX в., а в полном объеме и вовсе после Второй мировой войны. Только с этого времени мы можем говорить о совпадении этнических, государственных и собственно культурных границ. Раньше культурные границы Беларуси (по крайней мере, на Север и Юг) были открыты. Иными словами, протобелорусское культурное пространство входило как составная часть в более широкие, макрорегиональные культурные альянсы и центры, причем, если столицы таких центров находились (или могли находиться) вне территории современной Беларуси, то интеллектуальная продукция в них создавалась и потреблялась при существенном участии белорусов. Начиная с XIV в. и до первой половины XX в. бесспорной региональной культурной столицей для тогдашних белорусов и литовцев был Вильно с Виленской Иезуитской Академией, а общим для белорусов и украинцев центром православной культуры был Киев с другой академией — Киево-Могилянской. После инкорпорации Великого Княжества Литовского в Российскую Империю (от начала XIX в.) кроме Вильно и Киева, на роль такого же мультикультурного, космополитичного центра начинает претендовать Санкт-Петербург, в котором образуются достаточно большие диаспоры.

Таким образом, белорусское национальное пространство можно охарактеризовать как пространство столкновения цивилизаций, западно-латинской и восточно-евразийской, столкновения, которое не приводит к разлому или аннигиляции, но образует особую конфигурацию «цивилизационного наложения», когда граница западноевропейских влияний совпадает с восточной границей Беларуси, а православно-византийских — с западной.

Второй чертой этого пространства, явилось то, что это было пространство интенсивных колонизационных процессов, причем как с Запада, так и с Востока. Все это в соответствующие моменты истории приводило к формированию региональных культурно-цивилизационных сообществ с соответствующими формами идентичности, которые не совпадали ни с этнолингвистическими, ни с этнокультурными границами или были общими для нескольких таких сообществ.

В каждом из исторических периодов доминируют определенные типы философской культуры. Именно доминируют, ведь существенной характеристикой белорусской традиции является практически постоянное присутствие альтернативных практик мышления и альтернативных типов философской культуры. Эти альтернативные типы мысли зачастую реализуются в других парадигмах, в другом языке, в других локальных контекстах, порой даже с апелляцией к другому цивилизационному или культурному канону.

Локальность, автохтонность, периферийность

На первый взгляд, белорусская философская традиция выступает как периферийная, причем периферийная в двух смыслах.

Во-первых, она периферийна по сравнению с эталонной содержательностью центрального философского канона, т.е. зависима от тех или других сформулированных ответов на философские вопросы. В этом случае необходимо заниматься поисками зависимости от доминирующего влияния, маркируя определенным образом национальные тексты в их соотносительности с этим центральным канонам. Например: Ян Снядецкий – сторонник шотландской школы философии, философии здравого смысла. Юзеф Галуховский – последователь Шеллинга.

Во-вторых, история философии Беларуси выглядит периферийной, исходя из внутренних, дисциплинарных критериев философичности текстов. И хотя каждая эпоха имеет собственные критерии философствования, всегда находится определенное количество текстов, которые, хотя и декларируют себя как философские, но не соответствуют целиком этим критериям. В некоторых традициях эти околофилософские тексты преобладают, и история философии Беларуси здесь не исключение. В этом смысле в белорусской традиции имеются только две целиком профессионально-философские традиции: Виленская философская школа и белорусская советская философия. От периферийности следует отличать провинциальность традиции. Провинциальная традиция стремится быть всегда в курсе последних ответов, но никогда не ставит сами вопросы. Сегодня, однако, все традиции так или иначе выступают как периферийные. Взамен конструирования универсального канона сегодня история философии переписывается как совокупность локальных, периферийных традиций укорененного мышления.

Остается вопрос: можно ли строить, писать, конструировать локальную историю философии или генеалогию мышления без отсылки к холистской модели универсального канона, культурно-исторических эпох, прогресса, «больших произведений», или «гипер-нарратий» Запада? На наш взгляд, можно. Но это, конечно, вовсе не значит – строить нарратив истории философской мысли Беларуси без Аристотеля, Фомы Аквинского, Декарта, Гегеля и др. Их следует брать как «локальные» события, а универсальность таких учений (в Западном каноне) необходимо связывать не с их универсальной природой, а с определенными исторически локализованными практиками универсализации, практиками собственного создания канона, т.е. сам канон следует рассматривать как историко-культурный продукт.

Типы и типология белорусской философской традиции

Можно констатировать четыре типа культуры, в которых появляется отечественная философия, а именно: русский, сарматский (шляхетский), белорусский (возрожденческий) и белорусский советский. В результате само «тутэйшае» (здешнее) пространство выступает как полилингви-

стичное и транскультурное, а во времена модерна — еще и транснациональное. Остается вопрос, в какой степени оно еще и белорусское?

Будем употреблять слова «Беларусь» и «белорусский» в предельно широком, мета-этническом смысле. Беларусь в широком смысле выступает, конечно, ретроспективной дефиницией традиции как целого, а не ее составных частей. Поэтому представляется оправданным говорить о польскоязычной философии XVIII—XIX вв. как части белорусской философской традиции. В то же время будем употреблять слова «Беларусь» и «белорусский» для обозначения конкретного социокультурного проекта второй половины XIX в., — проекта воссоздания национальной культуры и возникновения национального дискурса. Такое двойное употребление характерно для всех национальных культур. Соответственно, нарратив истории философской мысли Беларуси не может быть построен как монологичная национальная история.

Проблемная панорама философской критики современности

Вопрос о критических потенциях и критической направленности мышления, по-видимому, может быть поставлен только в конкретно-историческом контексте определенной формы духовной культуры — европейской, с христианскими корнями, с учетом свойственных именно ей проявлений рационализма и аналитизма, что и находит свое оформление в своеобразном типе и стиле философствования. В общем критическое начало — органический элемент всякой дисциплинированной формы мышления и творчества, без которой невозможна внутренняя, содержательная кристаллизация этой формы мышления, а также ее утверждение в окружении других проявлений и субъектов духовной культуры. Именно как необходимый внутренний элемент творческого мышления и духовно-культурной жизни критика (критическое начало, критицизм), в отличие от негативизма и нигилизма, не имеет статуса самостоятельности и самодостаточности, а всегда выступает в неразрывной связи и зависимости от основной творческо-созидательной цели-задачи определенной формы и степени философствования.

Однако со временем критицизм зачастую начинает приобретать самостоятельное значение, поглощая созидательность, и это уже становится признаком определенного состояния не только духовной культуры, но и всего общества, свидетельством определенного ослабления или приостановки естественных процессов, исчерпанности бывших возможностей. Для определения такой ситуации уже недостаточно понятий «критика», «критическое начало», «критицизм». Здесь уже наблюдается такая степень отрицания, которая называется негативизмом и нигилизмом. В отличие от гармоничного критицизма как необходимого элемента духовно-культурной жизни, негативизм и нигилизм, хотя и проявляются в сфере духовной культуры, несут выразительные социально-идеологические и социально-психологические признаки

не лучших сторон процесса демократизации общественных и духовно-культурных структур, проявляются как воинственные оппоненты высоких, сложных форм культуры и жизни человеческого сообщества.

Именно сегодняшняя атмосфера недоверности, социальной апатии и жизненной усталости, когда стали почти неразличимыми ориентиры классического гуманистического и рационалистического наследия, становится сильным катализатором тенденций отрицания. Длительное нахождение в стадии переходности и недоверности опасно, оно ведет к внедрению в духовно-общественную жизнь уже не просто критических тенденций, а целого русла негативизма, который способен подтачивать внутренние духовные основания нации и человека, поглощать их созидательные потенции, что никогда не идет на пользу культуре и духовности. То, что в ограниченном количестве бывает полезным и необходимым для существования духовных явлений, при безграничном расширении может стать преградой для самого принципа существования и развития этих явлений.

Этика пограничья: транскulturность как белорусский опыт

Термин *«пограничье»* определенным образом характеризует топику пространства: пограничье – это пространство, прилегающее к границе, пространство, для которого именно граница является организующим принципом, сущностью и центром притяжения. Беларусь последних двух веков сформировалась именно в этом пространстве пограничья, и на первый взгляд выглядит парадоксальным, что белорусское мышление не тематизировало и не отрефлексировало свою реальную (здешнюю) ситуацию. На пограничье формируется белорусская субъективность – впервые восстает белорусское культурное Я.

Под термином *«транскulturность»* – в самом общем смысле – будем понимать специфическую «культурную трансцендентность» как несовпадение культуры (и культур) со своей пространственно-временной локализованностью и текстовой реальностью, а также различные практики культурных трансгрессий – выхода культур за свои границы – в пространство других культур или в пространства, которые каждая эпоха помечает для себя как пространства акультурные. Приставка «транс-» помечает определенную динамику, движение через определенное пространство; в отношении к культуре это может означать массу различных процессов и феноменов: функционирование знаков, сформировавшихся в одной культуре, в другом культурном пространстве, различные практики перехода культурных границ, многополярную идентичность, которая апеллирует к разным культурным традициям, и сами эти традиции, складывающиеся из гетерогенных, а иногда и взаимоисключающих элементов и т.д. В этом смысле транскulturность – не столько определенное понятие, сколько проблемное поле, обозначение факта, что современная планетарная ситуация в культуре есть не просто механическая сумма разных (и равных) культур, а

динамическое равновесие (а может, и динамический хаос?!) разных и неравных (несоизмеримых) культур, знаки которых беспрестанно странствуют, пользуясь все более эффективными посредниками. В этом смысле транскультурность ведет нас к проблеме топологии (или даже онтологии) культур, к проблеме структурных, динамических и смысловых отношений между культурами, отношений, из которых культурный диалог является только одной – и не самой распространенной – формой. Транскультурность ставит проблему новых культурных границ, их природы и размещения, границ, которые не совпадают ни с географическими, ни с этническими, ни с государственными границами. Белорусский опыт транскультурности – это не включение, а исключение: это попытка распознавания и прочтения реальности, которая на протяжении последних трех-четырех веков оставалась неназванной, хотя и присутствовала как молчаливая предпосылка большинства культурных практик. Это попытка совладать с традицией, в которой в разные эпохи функционировали в качестве литературных шесть языков: старославянский, латинский, старобелорусский, польский, русский, новобелорусский.

Обозначенные выше методологические основания исследования специфики белорусской философии в контексте ее исторического развития требуют осмысления и исследования, компаративного анализа белорусской культуры (и ее отдельных представителей) сообразно определенным периодам и отдельным мыслителям соседних – европейской и русской – философских традиций.

Аннотация

В статье анализируется белорусская философская традиция в историко-философской ретроспективе. Прослеживаются основные методологические принципы, на которых базируется философское наследие: трансграничность, метафизика ландшафта, языковая семантика, локальность, автохтонность, периферийность.

Ключевые слова: история философии, нация и ее философия, белорусская философская традиция, трансфер философских идей, полилингвизм, мультикультурность.

Summary

The article represents Belarusian philosophical tradition in its historical perspective. The main methodological principles of Belarusian philosophical heritage (transboundary character, metaphysics of landscape, language semantics, locality, authenticity, peripheral position) are explicated.

Keywords: history of philosophy, nation and its philosophy, Belarusian philosophical tradition, transfer of philosophical ideas, multilingual situation, multiculturalism.